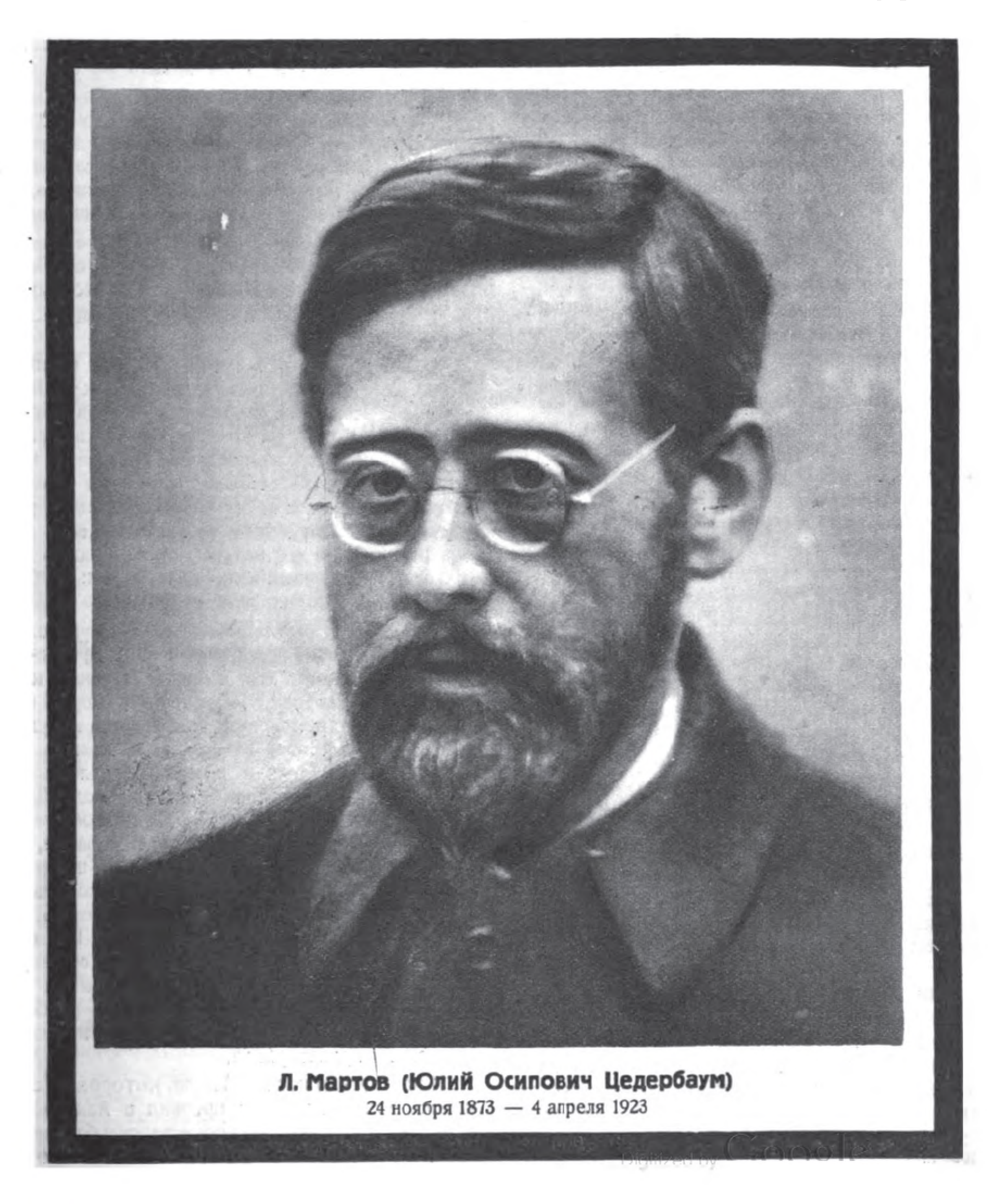
Экстренный выпуск **10-ое апреля 1923**

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Памятн незабвенного вождя

Л. Мартов (Юлий Осипович Цедербаум)
24 ноября 1873 — 4 апреля 1923

Памяти Мартова

Энгельс сказал после смерти К. Маркса: «Со смертью его XIX век стал на голову ниже».

По поводу смерти нашего дорогого Юлия Осиповича хочется сказать: «Российская социал-демократия стала ниже на голову».

Среди членов «Группы Освобождения Труда», когда мы ближе познакомились в Женеве с Юлием Осиповичем, мы говорили о нем: «Это наш, социалдемократический Добролюбов».

В то время мы не углубляли это сравнение и подчеркивали им, главным образом, блестящий литературный талант Мартова. Но теперь я мог бы сказать, что сравнение это было глубже, нежели могло казаться с первого взгляда: Юлий Осипович напоминал Добролюбова не только своим первоклассным литературным талантом, но и тем, что этот талант органически соединялся в нем с кипучим революционным темпераментом, с непреодолимой потребностью участвовать активно в непосредственной практической революционной работе. В то время, как Добролюбову, сошедшему еще юношей в могилу, суждено было лишь жаждать хотя бы только подметать пол в тайной типографии, Ю. О. имел реальную возможность теснейшим образом сочетать свою службу делу революции пером с непосредственно практической революционной работой — и он до дна исчерпал эту возможность.

Здесь, в беглых строках, навеянных смертью Юлия Осиповича, нельзя дать полную характеристику его личности и оценку его деятельности, — жизнь и деятельность его так неразрывно были связаны с жизнью нашей партии, они до того, можно сказать, сливались с ней, что писать о нем значило бы рассказать историю социал-демократии в России чуть ли не за тридцатилетие.

Но я чувствую потребность, хоть в самых кратких словах, вспомнить то впечатление, которое произвели на меня первые дошедшие до меня литературные работы Л. Мартова.

В 1896 г., подготовляя к печати 1-й № «Работника», я получил — не помню откуда — рукопись, без заглавия и без подписи, доставленную за границу из Вильны. Это была листовка, написанная по поводу выступления виленского магида*), громившего в синагоге еврейских рабочих за стачку, устроенную ими против хозяина-еврея. Защищая рабочих-забастовщиков, об'ясняя новое для западного края явление — борьбу еврейских рабочих с еврейскими капиталистами, — автор сумел настолько расширить и углубить вопрос, что листовка производила впечатление чего то — для того времени — совершенно исключительного; да и теперь еще это юношеское произведение Юлия Осиповича остается полным интереса документом в истории рабочего движения в России.

Два года спустя попала ко мне рукопись — снова без подписи, — предназначавшаяся для ознакомления европейских социалистов с состоянием России и содержавшая анализ общественных классов в стране. Брошюра поразила меня и глубиной мысли и блестящей формой, и я сейчас же дал моему сыну перевести ее на немецкий язык для «Neue Zeit» и принял меры к изданию ее в нашей серии пропагандистских брошюр.

Прошло еще полтора или два года, и я получаю рукопись под названием «Красное знамя в России». Неведомый автор давал в этой работе очерк развития революционного и рабочего движения в России, руководясь при этом мыслью «проследить, как развитие экономической борьбы рабочих масс, так и развитие социалистической мысли до того момента, когда она стала уделом пролетариата». Автор ставил во главу угла аналогию между Западом и Россией в историческом процессе слияния самопроизвольного массового рабочего движения, возникшего и развившегося на почве экономической борьбы, с социалистическим. Хотя я в предисловии счел нужным сделать некоторые оговорки относительно этой аналогии, но сама попытка установить ее указывала на широкий кругозор и далеко незаурядную вдумчивость автора в явления, о которых он трактует. Но, пожалуй, еще в большей степени эта черта проявилась в широких исторических рамках очерка и в изображении процесса развития социалдемократического движения, как непосредственного продолжения и детища предшествовавшего революционного движения в России. В то время очень, очень немногие среди молодых товарищей так ясно понимали внутреннюю, генетическую связь между нашим и народническим движением, и указывать на нее было необходимо.

Чрезвычайно приятным сюрпризом для группы «Освобождения Труда» было ясное и энергичное выступление автора брошюры — в противоположность господствовавшим тогда у нас сторонникам «экономизма» — в пользу борьбы с самодержавием.

Имя автора столь сильно заинтересовавших меня брошюр я услышал впервые в 1901 г. от Ленина, приехавшего в Швейцарию вместе с Потресовым для переговоров с группой «Освобождения Труда» о совместном издании журнала и газеты...

Я уже до личной встречи с Юлием Осиповичем составил себе о нем представление, как о незаурядной личности. Когда же по приезде его за границу я познакомился с ним, он сразу произвел на меня впечатление человека исключительной моральной и интеллектуальной силы. Обаятельно и, можно сказать, импонирующе действовали на меня неустанно работавшая в нем творческая мысль, духовность, если можно так выразиться, всей его натуры, отрешенность его от всяких будничных, житейских интересов и глубокий идеализм, как бы проникавший его существо.

Тем более я был поражен, когда я увидел на нашем Лондонском партийном с'езде в 1903 г., как относилась значительная часть его, с одной стороны, к Ленину, а с другой, к Мартову. Первый был выбран в председатели и сразу сгруппировал вокруг себя целую половину членов, готовых итти за ним, куда только он укажет. А Мартова они, если и замечали, то лишь постольку, поскольку он энергично оппонировал Ленину. Не обуреваемый честолюбием и властолюбием, презирая все, что напоминает интригу, подсиживание, демагогию, руководясь исключительно интересами и потребностями рабочего движения, он не мог импонировать толпе, которая не доросла до того, чтобы понимать и ценить в нем достойного вождя своей партии. Но зато он довольно скоро после этого с'езда стал общепризнанным и при том не только самым популярным и самым уважаемым, но и самым любимым вождем наиболее сознательной, наиболее передовой части российского социалистического пролетариата.

И на с'езде, и после раскола, которому с'езд положил начало, Юлий Осипович проявил в максимальной степени чувство ответственности за судьбу партии. Страстное стремление во что бы то ни стало сохранить

*) Проповедника.

и спасти единство ее воодушевляло его на с'езде и еще долго после раскола. И то же огромное чувство ответственности и то же горячее стремление к единению сил социалидемократического движения вдохновляли его потом в тех случаях, когда возникали разногласия внутри меньшевистской фракции. Исключительная гибкость его ума и его всегдашняя готовность не только оспаривать, но и понять мысль несогласного с ним товарища давали ему возможность находить общий язык с инакомыслящими товарищами и примирительную, — хотя бы и компромиссную, — линию между спорящими сторонами. Само собою разумеется, — не за счет принципиальных основ социалдемократической тактики.

Нет надобности говорить здесь о том, как велика и тяжела утрата, понесенная нашей партией, и как болезненно будем ощущать мы отсутствие в наших рядах того, кто был одним из лучших борцов и наиболее богато одаренным публицистом российской социал-демократии. Больно чувствуют и оплакивают кончину нашего незабвенного Юлия Осиповича и наши западные товарищи, как одного из интеллектуально и морально наиболее высоко стоящих представителей социалистического пролетариата.

В заключение я позволю себе предложить товарищам, не откладывая в долгий ящик, сделать первый шаг для увековечения памяти Юлия Осиповича: издать возможно скорее юношеские произведения его, написанные им тогда, когда он был для русского рабочего движения еще новой, восходящей звездой.

П. Аксельрод.

У гроба...

Связанному с Мартовым более чем ¼-вековой тесной личной и политической близостью, мне труднее, чем кому бы то ни было, писать эти строки, когда еще так свежа боль утраты; когда еще не захлопнулась крышка гроба, в котором лежит бездыханным наш дорогой, наш незабываемый Юлий Осипович; когда глаза только что в последний раз оторвались от этого милого, исхудалого лица, от этой умной головы, в которой до последнего вздоха бурлила такая богатая и разностороннняя, такая глубокая и тонкая мысль, от этого тщедушного, источенного болезнью тела, в котором жил такой могучий дух, билось такое большое, горячее сердце. В последний раз!.. Утрата так безмерно велика, так остро чувство пустоты, оставленной этой смертью, так щемяща боль, что мысли трудно сосредоточиться, и сухи и бледны кажутся все слова, чтобы перелить в них все, чем так велик и так дорог был нам наш погибший вождь, друг и товарищ. И в то же время так боишься нескромным или крикливым словом оскорбить память того, кто так глубоко умел чувствовать и так скуп был на выражение своих чувств, кто был таким несравненным мастером слова и в то же время таким беспощадным врагом всякой фразы и позы...

У раскрытого еще гроба я бессилен связно, хотя бы в самых общих чертах, изложить все, что сделал Мартов за 30 лет своей политической деятельности для русского рабочего движения, для русской социалдемократии, для международного социализма. Все, что я могу сейчас, это — в нескольких словах попытаться восстановить в памяти его образ, отметить наиболее характерные черты его личности.

Мартов был по натуре своей боец, по всему умственному и нравственному складу своему — революционер и социалист.

Он был боец, потому что до самой смерти своей со страстью боролся за свои идеи, за то, что считал верным и справедливым. Невозможно забыть того жуткого и трогательного впечатления, какое производило получение последних рукописей, написанных им для нашего органа. У далеких друзей эти бодрые, боевые статьи, появлявшиеся в «С. В.» до середины января, будили радостные надежды на то, что Мартов поправляется. А между тем эти статьи писались рукою умирающего, несколько месяцев уже не покидавшего постели, снедаемого лихорадкой, одышкой, сердцебиением и ловившего редкие минуты облегчения, чтобы отдать их работе, которую он считал своим долгом и которая была для него в то же время высшим наслаждением. И в разговорах, и в переписке он непрерывно возвращался к новым задуманным работам, выполнить которые — увы — у него уже не было сил. Его мысль продолжала неустанно работать буквально до самой последней минуты. Лежа в санатории, на открытом зимнем воздухе, он поглощал десятки томов, отзывался в письмах и личных беседах на все сколько-нибудь крупные события русской и международной жизни, подавал свой голос во всех партийных делах, тщательно следил за европейской печатью, прочитывая десятки газет, и последнее поручение, данное им за 5 часов до смерти, когда только камфорой и коффеином поддерживалось еще в нем слабое дыхание жизни, заключалось в длинном списке книг, которые он просил срочно прислать ему.

Революционером и социалистом Мартов былвоистину до мозга костей, и редко можно встретить человека, у которого революционно-социалистическое миросозерцание до такой степени вошло бы в плоть и кровь. Владея марксистским методом в совершенстве, будучи человеком громадного ума, обширных знаний, редкой памяти и обладая блестящим литературным талантом, он с несравненным мастерством прилагал оружие марксистской критики к анализу политической и идейной жизни современного общества, вскрывая под самой благообразной идеологической оболочкой защиту и оправдание строя, основанного на порабощении человека человеком. Но пролетарски-классовая точка зрения на все явления общественной жизни не была для него лишь неизбежным логическим выводом из марксистских предпосылок. Он просто органически не мог не только мыслить, но и чувствовать иначе; не только разумом, но сердцем, инстинктом, чутьем сроднился с классом порабощенным, но и классом-освободителем, классом, которому суждено «новый мир построить» — мир человечества, сбросившего, наконец, свои цепи. И потому то его публицистические статьи, как и личные беседы с ним на общественные темы, всегда действовали на всякого социалиста, даже при несогласии, как освежающий душ, как яркий луч, освещающий новым и часто неожиданным светом туманную обыденщину текущей политической борьбы и открывающий взору широчайшие горизонты. Это чувствовали одинаково как русские, так и иностранные социалисты. Ибо, как настоящий революционный социалист, Мартов не замыкался в рамки национального рабочего движения. Всем существом своим он был подлинный интернационалист. Рабочий класс всех стран был для него родным. И вряд-ли много найдется социалистов, которые бы так хорошо знали и понимали международное пролетарское движение, как Мартов.

Революционер по натуре своей, Мартов, однако, никогда не смешивал беспощадности по отношению к общественному строю и его «защитным» идеям с беспощадностью по отношению к живому человеку. Кровожадность, жестокость, унижение человеческого достоинства хотя бы и самых ярых классовых врагов были ему всегда не только чужды, но органически противны. И в его мыслях, и в его ощущениях они не только не были необходимою составною частью пролетарской революции, но, наоборот, были свидетельством того, что революция рабочего класса исторически еще не созрела. Вся его публицистическая и агитационная деятельность проникнута удивительным благородством и непреодолимым отвращением ко всякой демагогии. Борясь со всею страстью и энергиею с теми, в ком он видел политических врагов и противников, он в то же время всегда старался, прежде всего, понять самих врагов своих. Ничто в мире не могло заставить его, ради успеха и шумной популярности, подлаживаться к низкому культурно-политическому уровню, в котором современное общество держит широкие рабочие массы. Борясь с теми, кто этот низкий уровень делает предлогом для того, чтобы отойти от рабочего класса или вместе с его классовыми врагами выступать против него, Мартов всею своею проповедью старался поднять эти массы до уровня, достойного всемирно-освободительного дела, возложенного на них историей, и в этом видел основную задачу социалиста и революционера.

Говорили часто о «бесхарактерности» Мартова. Так оценивать его мог лишь тот, кто его не знал. Он всегда бережно относился к человеку, даже к противникам и врагам своим. Но когда речь шла о защите идеи, которую Мартов считал правильной, ни личная привязанность, ни узы дружбы, ни партийная близость — ничто не могло повлиять на него, ничто не могло удержать его от выступления с открытым забралом: интересы пролетарского дела, как он его понимал, стояли для него выше всего и для защиты их он твердою рукою рвал все мешавшие личные связи. И точно так же никакие угрозы, клеветы, заподазривания не могли остановить его, когда он считал нужным сказать свое слово. С каким бесстрашием выступил он с протестом против смертной казни в разгар большевистского террора! И у него одного нашлось в советской России достаточно мужества, чтобы громко поднять свой негодующий голос против истребления семьи Романовых — семьи, в которой и для него олицетворялся ненавистный режим самодержавия.

Он был революционером и социалистом в лучшем смысле этого слова. Но политический деятель не задавил в нем человека. Несравненный полемист, он всегда полемизировал с идеями и щадил личность и человеческое достоинство своего противника. Нужны были особо грязные поступки предательства, ренегатства, подлости, чтобы Мартов поставил крест на человеке. Его любили и уважали даже его политические противники, среди которых у него не мало было и личных друзей. За последние годы много самых грязных клевет было брошено по адресу Мартова. Но я убежден, что только у самых отпетых людей не выступала краска стыда на лице и не сжималось мучительно сердце, когда они, из мелких и ничтожных соображений политической демагогии, швыряли комья грязи в благородную фигуру Мартова.

Чем был Юлий Осипович для нашей партии, не только как вождь, но и как человек, трудно изобразить словами. Как бы ни расходились мнения, все партийные товарищи всегда знали, что в поступках Мартова никогда ни малейшей роли не играют ни соображения мелочного честолюбия, ни завистливая ревность, ни так называемое «генеральство», ни личные пристрастия. Его моральный авторитет в партии был, если это можно, еще выше авторитета идейно-политического руководителя. Литературная звезда первой величины, он от «Искры» до «Социалистического Вестника» лично делал в то же время во всех наших органах массу черной редакционной работы. Признанный вождь партии, он с одинаковым интересом относился и ко всем мелочам ее организационной жизни. И всеобщая горячая любовь окружала его, и не найдется ни одного члена партии, для которого кончина Юлия Осиповича не была бы не только партийным, но и тяжелым личным горем.

Да только ли для членов партии? Замкнутый и скупой на проявления своих собственных интимных чувств, Юлий Осипович, как никто, умел подходить к другому человеку и почти незаметно облегчать чужую душевную боль. И сколько-же людей из самых разнообразных кругов льнули к нему! Сколько людей в эти дни рыданиями провожают в могилу нашего почившего друга и до конца жизни своей сохранят в памяти светлый образ этого единственного, исключительного человека!

* * *

Я кончаю, чувствуя, как слабо и как плохо удалось мне выразить все, что теснится в голове и сердце, каким бледным оттиском отпечатлелся образ Мартова на этих строках. Но, к счастью, Юлий Осипович сам оставил нам свой автопортрет. Со страниц его последнего большого труда, первого — и, увы, единственного! — тома его воспоминаний, на нас глядит, как живой, его обаятельный образ: не в том, что он говорит о себе, а в том, как он говорит о людях, с которыми сталкивался, о событиях, свидетелем и участником которых был. Эта книга должна стать настольной для всякого социалиста, для всякого сознательного рабочего, для всей пролетарской молодежи. Это — лучший памятник, который можно было воздвигнуть почившему революционеру и социалисту.

Я же не могу в заключение не упомянуть еще об одном мучительном переживании, острою болью охватившем тех, кто стоял у гроба Мартова в маленькой немецкой деревушке, закинутой в Шварцвальдские горы. Мартов жил последние годы, болел и умирал на чужбине. Не по своей воле: его не высылали из России; его, быть может, даже не арестовали бы при возвращении; ему «только» заткнули рот, выбили перо из его рук, отняли всякую возможность публицистической и политической работы и сделали точкой приложения полицейской слежки за общавшимися с ним товарищами... И последние мучительные месяцы его жизни были отравлены все возрастающею волною террора, направленного против партии, во главе которой он стоял, против ростков возрождающегося социалдемократического и рабочего движения. Такому человеку, как Мартов, за 30 лет работы кровно спаявшемуся с русским рабочим движением, не нашлось места в пределах Российской Советской Республики. И даже та книга его воспоминаний, о которой я только что говорил, в которую он вложил всего себя и которая писалась, прежде всего, для пролетариев России, не имеет свободного доступа в рабочую среду. Довольно упомянуть об этом, чтобы произнести приговор над тем режимом, который называет себя режимом «пролетарской» диктатуры. Пройдем мимо. Через голову этого режима Мартов найдет дорогу к русскому рабочему классу, как русский рабочий класс найдет дорогу к Мартову.

Ф. Дан.

Последнее свидание

Юлий Осипович лежал спиной к двери, на открытой веранде, когда сестра провела нас с П. Л. к нему.

И когда он на наше приветствие порывисто обернулся и увидел нас, — его прозрачное, исхудалое лицо, густо обросшее давно нестриженной бородой, с заострившимся носом, бескровными губами и измученными, полузакрытыми глазами — заметно оживилось. Он нас не ждал в этот день, и потому и обрадовался и взволновался.

Последние 2 дня его снова мучило невыносимое сердцебиение, сопровождаемое одышкой. Грудь неровно подымалась и опускалась, и дыхание вырывалось с шумом и толчками. Было мучительно видеть, с каким напряжением ему доставалось каждое сказанное им слово. Но он не прекращал беседы с нами, ставил вопросы, давал реплики, пытался даже шутить.

Мы старались не давать ему говорить, да он и сам не проявил и малой доли своей обычной разговорчивости, но, удрученные его видом и опасаясь его переутомить даже слушанием наших рассказов, мы ушли от него уже в 7 ч., не использовав даже права сидеть до 8.

Это было 2-го апреля. Ночь он провел очень плохо. Еще в 11 ч., проходя мимо его окна, мы видели яркий свет. Вскоре после этого, он, под влиянием наркотика, заснул, но часам к 4 проснулся от острого припадка сердцебиения, и больше уже не мог заснуть. И когда мы вошли к нему в комнату, часов около 10, он, после мучительных попыток осилить свой чай, лежал, откинувшись на подушки, со льдом на сердце. Ему стало чуть-чуть легче, и он, несмотря на наше желание немедленно уйти, чтобы его не тревожить, потребовал, чтобы мы остались. Повинуясь его молчаливому приглашению, я, попросив П. Л. оставить нас одних, стал рассказывать ему о наших партийных делах. Он хотел знать все, мельчайшие детали, и когда я останавливался, думая, что он не слышит или что ему трудно следить, блеск его полузакрытых глаз или жест руки заставлял меня говорить дальше. И я видел, что он все слышит и понимает и несколько сказанных им слов доказали мне, что он в полной мере сохранил ясность и остроту ума.

К 11 часам вернулся П. Л., который воспользовался этим временем, чтобы, не возбуждая подозрения Ю. Ос., — мнительного, как все такие больные, — расспросить главного врача о его состоянии.

Служитель перевез Ю. О. на веранду, но не успели мы рассесться, как пришел врач и заявил Ю. О., что они для выяснения некоторых деталей хотят сделать с него новый рентгеновский снимок. Ю. О. заметно встревожился. В нем заговорила мнительность: «А, значит, они забеспокоились!» повторил он несколько раз. «Значит, сомневаются в своем диагнозе». И согласился немедленно сниматься, несмотря на мучительное состояние, в котором находился.

Мало того, когда мы подняли вопрос о том, чтоб его в рентгеновский кабинет отнесли на носилках, он решительно воспротивился этому, и остатками своего прерывающегося дыхания сердито накричал на П. Л., который распорядился было заказать носилки. «Что за новости? Зачем Вы распоряжаетесь, я пойду сам».

Порывистыми движениями сел, вылез из кровати, в которой лежал одетый, оправил помятый пиджак и сутулясь, своей прихрамывающей походкой зашагал, поддерживаемый служителем, к под'емной машине.

Мне никогда не забыть той щемящей боли, которая пронизала сердце, когда я увидел эти до-ужаса исхудалые руки, которыми он держался за служителя, эти тонкие-тонкие ноги с дрожащими коленями, которые, повинуясь усилию гигантской воли, несли больное тело, хрипящую грудь и большую, все еще гордую откинутую назад голову.

И стоя, мы с ним попрощались, расцеловавшись в последний раз. И лишь по выходе из под'емной машины, в дверях рентгеновского кабинета, я еще раз увидел его неровные плечи и столь дорогой, столь близкий профиль с орлиным носом и полу-закрытыми, но все еще горящими через стекла очков глазами.

П. Л. проводил меня до гостиницы. Врач думает, что непосредственной опасности нет, что болезнь может еще тянуться месяцы, но что положение вообще безнадежно.

Автобус уходит в 12 ч.

Еду, подавленный тяжестью этого жестокого, этого беспощадного слова: безнадежно, безнадежно. — И мысль бьется в поисках выхода, чуда.

На утро в Брегенце меня застигла телеграмма Дана: «Мартов скончался этой ночью от слабости сердца».

Р. Абрамович.

Рыцарь духа

На партию пролетариата, в подполье загнанную, изнемогающую в неравной борьбе с коммунистической тиранией, обрушился жестокий удар. Умер Мартов. Умер, как солдат, на своем посту...

Не время выкликать теней... Скольких уже не стало в эти страшные, испепеляющие годы! Но вот ушел от нас, навеки ушел Юлий Осипович, и как то сразу осиротели мы, его друзья и соратники, осиротела вся партия...

Потому что Мартов не только был вождем партии. Он был ее душой, совестью, честью. Он интимно, всем сердцем любил партию и только партию, и партия — до последнего человека — платила ему ответной любовью.

Наша партия с часа своего рождения не знала «личного режима». Она не потерпела бы диктатора. Никогда не становилась она, подобно коммунистам, послушным орудием в руках своего вождя, его преторианской гвардией, политической челядью, без собственных мыслей, без собственной воли.

Мартов не был — и, по своим воззрениям на принципы построения пролетарской партии, не мог быть партийным автократом. Как социалисту и демократу, как социалдемократу, ему всегда, еще во времена 2-го с'езда партии, претила роль «вождя», опирающегося на «готовую к повиновению» партийную массу.

Была ли меньше оттого роль Мартова в партии? Нет, конечно!

Перелистайте страницу за страницей историю нашей партии за четверть века ее оформленного существования: во все периоды ее развития, на всех этапах и поворотах ее долгого пути Мартов неизменно являлся

ея знаменосцем, застрельщиком во всех схватках, искателем новых путей, вечным-бродилом, будившим партийную мысль и волю.

Его оружием было слово. Мартов был публицист «божьей милостью». Но не одна только несравненная диалектика его тонкой, гибкой и острой, как дамаская сталь, мысли, не своеобразная лишь прелесть «мартовского» стиля делали его слово заразительно-убедительным. Слово его обжигало и зажигало потому, что в нем трепетала страсть борца и правдолюбца, кипели острые чувства любви и ненависти. У Мартова был, если можно так выразиться, сердечный ум. Как солнечный луч, мысль его несла одновременно свет и тепло. Рыцарем духа был Мартов.

С этим связывалась необыкновенная чуткость и отзывчивость политической мысли Мартова, его тяга к живой жизни во всей ея конкретности. Освободительная борьба пролетариата, рабочее движение — и даже шире — все революционное движение, вся русская общественность были для Мартова — насквозь общественника и революционера — не отвлечением, не об'ектом для теоретических обобщений, а той родной стихией, в которой он только и чувствовал себя привольно.

Обладая исключительной тонкости и сложности интеллектом, поражавшим, как скрипка виртуоза, Мартов не стал, однако, теоретиком. Ему было холодно на высотах отвлеченного познания, если только оно не было тесно связано с проблемами освободительной борьбы пролетариата. Вопросы политики и преимущественно вопросы тактики стояли в центре его внимания. Именно в этой области — политической ориентировки и намечения тактических линий — Мартов был блестящ и незаменим.

Не трагедия ли — при такой непреоборимой тяге к жизни, к реальной политической борьбе ,к активному вмешательству в ход событий — быть вынужденным долгие годы, одинаково при черном и при красном абсолютизме, жить далеко от родины, в изолированной атмосфере эмиграции?

Не трагедия-ли — смерть в изгнании, в полной разобщенности с обесправленным и обезличенным пролетариатом того, кто тридцать лет тому назад поднимал целину социалдемократического рабочего движения в России и четверть века возглавлял социалдемократию?..

Мартов ушел от нас в глухую пору окрепающей мировой реакции, далеко неизжитого кризиса международного социализма, начавшейся в России термидоровско-бонапартистской ликвидации революции. Без Мартова придется партии, уже обескровленной рядом тяжких потерь, искать путей возрождения, бороться за торжество своих идей в рабочем классе, за самое свое существование.

Нет Мартову смены... Только коллективный разум и воля партии могут хоть сколько-нибудь возместить эту непоправимую утрату. Консолидация всех социалдемократических сил для возрождения социалистического рабочего движения в России — вот, что жизнь повелительно ставит в порядок дня!

В последнее время Мартов немало сделал для создания идейных предпосылок такой консолидации. При доброй воле всех товарищей дело сплочения всей русской социалдемократии на началах демократического социализма может быть доведено до конца.

Н. Гарви.

Первые отклики

Дорогой тов. Дан!

Как ни мала была надежда на выздоровление, все же смерть Мартова наполняет мое сердце скорбью и печалью. Один из лучших умов Интернационала, даровитый аналитик, глубокий мыслитель, с безошибочным политическим чутьем, неизменно строивший свою тактику в соответствии с безошибочно понятой ситуацией даннаго момента. И при этом — кристально-чистый человек, беззаветно и самоотверженно преданный делу социализма. Необычайно было впечатление от этого великого и благородного человека, изгнанника родной страны, который под ударами трагической судьбы, смертельно больной, с непреклонной энергией защищал наше общее дело, без едкой горечи, преисполненный бодрой веры. Никогда не забуду впечатления от конгресса в Галле, когда его бледное лицо поднялось над трибуной — уничтожающее обвинение против большевистского террора,—как перед надорванным голосом больного должна была замолкнуть громкая ложь Зиновьева. Теперь он почил, так преждевременно, когда еще так много можно было ожидать от него! Я потерял в нем дорогого друга, беседа с которым всегда будила мысль и порождала новые идеи. Выражаю Вам и Вашим друзьям душевное соболезнование.

Ваш **Рудольф Гильфердинг.**

Берлин-Штеглиц, 5 апреля 1923 г.

Тов. Дану.

Глубокоуважаемый товарищ!

Потрясены вестью о незаменимой утрате, которую Вы, Ваша партия и весь международный социализм понесли в лице трагически безвременно почившаго Мартова.

Несчастье, изгнавшее Мартова из России, дало нам счастье личнаго знакомства с блестящим мыслителем и в то же время неотразимо обаятельным, необычайно простым и душевным человеком.

Весть о тяжелой болезни нашего друга с самого начала преисполнила нас жуткой тревоги. Однако, доходившие затем до нас изредка сведения о его самочувствии, внушили надежду, что сверхобычная сила духа одержит победу над немощью тела. Тем больнее ударила по сердцу неожиданная роковая весть!

Просим Вас и супругу Вашу, как ближайших родственников незабвенного усопшаго, принять наше горячее соболезнование. Вместе с тем выражаем Вам, как представителю партии, нашу глубокую скорбь по усопшем товарище.

Генрих и Энни Штребель.

Получено множество телеграмм и писем от организаций и отдельных лиц. О них — в ближайшем очередном номере.

Очередной № „С. В", посвященный памяти Ю. О. Мартова, выйдет в ближайшем будущем. В номере будут, между прочим, помещены статьи К. Каутского, Р. Гильфердинга, Ф. Адлера, О. Бауера, А. Криспина, Врака, Штребеля, Юдина, Абрамовича, Дана и др.

Л. Мартов — Ю. О. Цедербаум

(Биографические даты).

Ю. О. Цедербаум (Л. Мартов) родился 24 ноября 1873 г. в культурной еврейской семье. Еще гимназистом, 15—16 лет начал он сочувствовать революционному движению, 17-ти лет, в начале 1891 г., он принимает участие в демонстрации на похоронах Шелгунова; в том же году входит в студенческие революционные кружки, распространяет прокламации и в начале следующего года впервые знакомится с тюрьмой. Из его воспоминаний мы знаем, что в революционизировании его особенно большую роль сыграли детские впечатления от пережитых в Одессе дней еврейскаго погрома, антисемитская травля в школе и чтение.

Лето 1892 г. является одной из самых крупных дат в биографии Ю. О., — этим летом, за чтением «Капитала», он становится, — раз на всю жизнь, — верным последователем социологической концепции Маркса. Осенью 1892 г., вместе с кружком друзей, он создает «Петербургскую группу Освобождения Труда», программная декларация которой (она написана Ю. О.) начинается гордой фразой:

«Русская революция нашла себе новое прочное основание. Это основание — научный социализм».

Это были первые написанные Ю. О. строки, проникшие в печать, правда, подпольную. Эту мысль Ю. О. повторял в разных формах в течении всей своей деятельности, вплоть до последних статей, написанных в санатории, на краю могилы, — так глубока была его вера в правоту идей научного социализма. Увы! в последние годы защищать эти идеи ему приходилось так же, как и 30 лет тому назад, в подпольной и зарубежной печати.

Следующие годы Ю. О. полны работой в виленской и петербургской с.-д. организациях; острая политическая мысль и блестящий талант публициста сразу выдвигают его в первые ряды с.-д. практиков той поры. Его имя связано с крупнейшими этапными пунктами в развитии с.-д. тех лет: в 1894 г. он редактирует брошюру т. А. Кремера: «Об агитации», явившуюся, как известно, программным манифестом новой тогда тактики использования с.-д.-ей экономической борьбы пролетариата; 1 мая 1895 года он произносит речь, обосновавшую необходимость создания самостоятельной партии еврейского пролетариата, закладывая тем самым первый кирпич в здание будущего «Бунда»; в октябре-ноябре 1895 г., вместе с Лениным, Кржижановским и др., он основывает СПБ. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», деятельность котораго в течении ближайших двух лет показала, как об'ективно верна и целесообразна была тогда новая тактика.

Этих результатов своей работы Ю. О. не удалось увидеть своими глазами: в ночь с 4 на 5 января 1896 г. он был арестован; за годом тюрьмы последовали три года томительной ссылки в далеком, гиблом Туруханске. Эти годы Ю. О. использует для литературных работ; в тюрьме он написал брошюру «Современное положение России», в ссылке — «Красное знамя» и «Рабочее дело в России», которые сразу выдвигают его в первые ряды среди с.-д. литературных сил.

29 января 1900 г. кончается срок ссылки. Одновременно со своими тогдашними друзьями, — Лениным и Потресовым, — с которыми он только что заключил боевой союз для борьбы за идеи революционной соц.-дем. против их искажения подпавшими под влияние книг Э. Бернштейна «экономистами», — Ю. О. возвращается в Россию, к партийной работе. После неудачных попыток поставить издание нелегальной газеты в России, Ю. О. вместе с другими членами тройственного союза перебирается за рубеж и вместе с «Группой Освобождения Труда» ставит политическую газету «Искру» и журнал «Заря».

Два с половиной года ведет «Искра» свою блестящую политическую кампанию; II с'езд партии в августе 1903 г. закрепляет победу «искризма» в социалдемократии, но на месте старых делений встают новые, формируются фракции «большинства» и «меньшинства», и недавние соратники оказываются во враждебных лагерях. Для Ю. О. этот раскол был особенно тяжел, — в нем он рвал со своим ближайшим другом, В. И. Лениным.

Образуется новая редакция «Искры» — теперь без Ленина. И, как и раньше, Ю. О. целиком отдается партийной работе — так, как умел отдаваться только он, без остатка, без личных интересов, без тщеславия, заставляющего отделять дела мелкие от крупных. Это нужно для партии, для газеты, — и Ю. О. берется за самую черную, самую незаметную работу.

Перед новой «Искрой» встают новые задачи политического руководства партией в условиях развертывающейся революции. События 1905 г. блестяще показали, что газета, руководимая Ю. О., справляется с этими задачами: тактика, рекомендуемая ею, оправдывается в ряде кампаний, — начиная от комиссии Шидловского и кончая Советами Депутатов в октябрьские дни.

После получения первой вести о манифесте 17 октября 1905 г., Ю. О. летит на родину. В ноябре-декабре он работает в Совете Депутатов, в партии, в редакции «Начала»; он руководит работой меньшевистских и общепартийных федеративных центров в месяцы, последовавшие за разгромом московского восстания, принимает участие в выработке первых форм использования легальных возможностей. Апрельский (Стокгольмский) с'езд 1906 г. показывает, что большинство партии учло опыт и побед и поражений предшествующих месяцев, как доказательство правильности линии с.-д. меньшевиков, и отдало в руки последних партийный центр. Но в непосредственном руководстве последним Ю. О. не удается принять участие: арестованный в мае 1906 г., в самом разгаре сессий первой Гос. Думы, он подвергается высылке заграницу. Тяжелое состояние здоровья, — еще в Туруханске нажил он злой недуг, сведший его в могилу, — удерживает его некоторое время заграницей, а там следует Лондонский с'езд, когда большинство партии, попавшей в атмосферу общего распада и реакции, отдает Ц. К. в руки Ленина и др. большевиков; разгон второй Гос. Думы, — и тяжелые годы столыпинской реакции.

В эти тяжелые годы атмосфера морального разложения не оставила незатронутой и социалдемократию. Под крылом большевизма свивают себе гнездо экспроприаторские и полубандитские элементы. Ю. О. яснее других видит неизбежные последствия этого проникновения моральной заразы в ряды социалдемократии и берет на себя тяжелую задачу борьбы со злом. Не все даже в кругах сочувствовавших меньшевизму, не говоря о кругах международной с.-д.-ии, поняли тогда значение выступления Ю. О. С другой стороны, и многие из единомышленников, в порыве естественной реакции на язвы возрождавшейся формы подпольной организации, шли дальше, чем нужно, чем целесообразно было итти. С ними, с теми, кого окрестили кличкою «ликвидаторы», Ю. О. стремился бороться, но бороться изнутри. «Голос Социалдемократа» является литературным памятником политической работы Ю. О. за эти годы. При первой возможности, в конце 1913 г., возвращается он в Россию, вступает в редакцию «Рабочей Газеты», в Организационный Комитет, руководя борьбой с.-д. крыла против ее максималистского крыла, будущих коммунистов. Беззастенчивая демагогия последних одерживает частые победы среди политически слабовоспитанных кругов рабочей массы, но она же способствует и отходу от большевиков всех сознательных с.-д. сил. Эта кампания изоляции большевиков в рядах с.-д.-ии с особенной яркостью выступает накануне войны 1914 г., на Брюссельском совещании, созванном Международным Социалистическим Бюро, когда под руководством Мартова, Плеханова, Розы Люксембург оформился блок всех с.-д. групп и фракций против большевистского максимализма.

Грянувшая война спутала все карты. Выбившая из правильной политической позиции крупнейшие пролетарские партии мира, она не могла не внести разброда и в семью российской с.-д.-ии. Трезвый аналитик, Ю. О. ни на минуту не поддался угару шовинизма. В невероятно тяжелых условиях он начал борьбу как с оборонческим зигзагом правого крыла, так и с выбрасываемыми Лениным лозунгами немедленной социалистической революции и перманентной гражданской войны.

С этого момента в деятельности Ю. О. начинается новый период и еще в одном отношении: раньше он вел политиче-

скую работу в рамках одной своей партии; на международную арену он почти не выходил; теперь, отрезанный от родины, он начинает принимать горячее участие в международной жизни, в статьях и личных беседах оказывая влияние на представителей, как австро-германских, так и французской социалистических партий. Будущий историк вскроет, как велико было значение этой работы; он сможет доказать фактами, что в резолюциях Циммервальдского об'единения, которое одно пронесло не склонив знамя Интернационала сквозь смутные годы войны, идейно Ю. О. внесено больше своего, чем кем либо другим.

Революция 27 февраля 1917 г. застала Ю. О. в Швейцарии. Если тяжело было изгнание, когда страна молчала, то в тысячу раз тяжелее он стало, когда грянула буря.

Только в начале мая смог он пробраться в Россию, — уже после того, как меньшевистская с.-д.-ия приняла роковое, по его мнению, решение о вступлении в коалиционное правительство. С присущей ему смелостью и страстностью, бросается Ю. О. в борьбу с партийным большинством. Ему негде по настоящему развернуться, — у него нет своего собственного органа, — но его речи этого периода, его сравнительно немногие статьи (в «Новой Жизни» и «Искре») являются часто настоящими шедеврами и художественной четкости стиля, и остроты политической мысли.

Перед октябрем 1917 г. он уже имел за собой фактически большинство партии; декабрьский с'езд 1917 г. за ним это большинство закрепил, но еще перед тем октябрьский переворот 1917 г., поставив партию перед новыми условиями, изменил группировку фракций внутри партии. Ю. О., ни на минуту не колеблясь, отказался поддержать переворот, он покинул II с'езд Советов, когда загремели пушки «Авроры», и Троцкий, пару месяцев тому назад провозглашавший: «Да здравствует честный революционер Мартов», бросил ему вслед столь достойную своего автора фразу о грязной пене на шумном потоке.

В новых трудных условиях взялся Ю. О. вновь за руль партийного корабля. Его позиция и его работа в эти годы слишком свежи в памяти всех, чтобы в этой краткой биографической справке надо было касаться их.

Тяжелые условия жизни 18—20 г. г. в конец подорвали здоровье Ю. О. С трудом удалось ему вырваться заграницу, где он принимает близкое участие в создании так назыв. Венского Интернационала и руководит «Социалистическим Вестником», дав на его страницах серию блестящих статей, содержащих яркую характеристику России в новых условиях, — в условиях «нэпа». Писал он почти до самых последних дней, — только тогда, когда сил совсем не стало, перо выпало из его рук...

Б. Николаевский.

Последние минуты

Умер Юлий Осипович в ночь с 3 на 4 апреля в деревушке Шэмберг (Нейенбюргский округ, Вюртемберг), расположенной в живописной лощине Шварцвальдских гор. Здесь он находился с 20 ноября прошлаго года с глубокими туберкулезными поражениями обоих легких, особенно левого, и гортани. Легочный процесс неудержимо и быстро шел вперед, лихорадка все время не покидала его, вес непрерывно падал, постепенно началась сильная одышка, сердцебиение, и за все 134 дня пребывания своего в санатории он лишь один раз получил от врача разрешение на полдня покинуть постель.

Родные и друзья часто навещали его, и эти посещения бывали всегда огромной радостью для больного, жадно расспрашивавшего о всех событиях внешнего мира и в оживленной беседе забывавшего свои страдания. Но мало по малу разговоры начали настолько утомлять больного, что, по требованию врачей, число посещений пришлось сократить.

2-го апреля к Юлию Осиповичу все же снова приехали столь любимые им «гости»: тов. Абрамович, заехавший к нему по дороге в Брегенц, и еще один его близкий личный друг Л. В полдень Абрамович уехал. Днем по моей письменной просьбе главный врач санатории распорядился снять новый рентгеновский снимок с грудной клетки Ю. О-ча: хотелось уцепиться за последнюю надежду — показать этот снимок специалистам, спросить у них совета, искать невозможного спасения... Больной на лифте спустился в нижний этаж. Нужно было еще пройти с десяток саженей до рентгеновского кабинета. Ю. О. категорически отказался от предложенных носилок и прошел коридор на ногах. К вечеру он был, против обыкновения, мало разговорчив. Страдал от одышки. К 8 часам, согласно санаторским правилам, Л. простился с больным. Из окна гостиницы он долго наблюдал свет в комнате больного. Только в 11 часов Ю. О. погасил лампу.

Около полуночи одышка и сердцебиение настолько усилились, что Ю. О. звонком вызвал ухаживавшую за ним сестру милосердия. Та послала за старшим врачем, который сделал больному впрыскивание коффеина с небольшою примесью морфия. Врач хотел остаться при больном, но Ю. О. заявил, что ему после впрыскивания сразу стало лучше, и решительно настоял, чтобы врач ушел к себе: ведь, для него всегда так трудно было прибегать к чужим услугам, заставлять кого-нибудь возиться с собою! Через четверть часа он услал и оставленную при нем сестру, сказав ей, что теперь ему хорошо, и он будет спать.

Как раз в это время раздался звонок другого тяжело-больного, к которому сестра и ушла, решив потом снова заглянуть к Мартову. Тихо приоткрыв дверь через 10 минут, она убедилась, что Юлий Осипович действительно спит и дышит ровно и тихо. Покидая комнату, она снова оглянулась на больного. И как раз в эту минуту тело Ю. О. судорожно выпрямилось, и последний вадох вылетел из его груди: сердце остановилось. Был 1 час 15 минут ночи. Тихо, во сне, без страданий догорела жизнь в изможденном теле...

Ф. Д.

„Sozialistitscheski Westnik" — „Der Sozialistische Bote", Zentralorgan der sozialdemokratischen Arbeiterpartei Russlands
Verantwortlich für Redaktion und Verlag: Alexander Rubinstein, Berlin - Charlottenburg.
Druck: Vorwärts Buchdruckerei und Verlagsanstalt, Paul Singer & Co., Berlin SW 68, Lindenstrasse 3.

PREIS MK. 1200
IN DEUTSCHLAND